

Было 10 часов вечера, окрестности были погружены во тьму.

Филип неторопливо шел по коридору женского общежития.

«...»

Лунный свет ярко все освещал, из-за чего в артефактах, дающих свет, не было нужды. К тому же Филип обладал необычайно острым чутьем.

Пробудив свои чувства, он даже мог услышать слабые звуки, издаваемые ворочающимися в кроватях студентами.

На первом и втором этажах общежития проживали старшекурсники: студенты четвертого и пятого курсов.

Диана упомянула, что к старшекурсникам можно относиться снисходительнее, поскольку им в основном уже по семнадцать-восемнадцать лет.

Поэтому Филип не собирался заходить в их комнаты без крайней на то необходимости.

Дойдя до конца правого коридора первого этажа, а точнее – до комнаты «112», Филип остановился перед лестницей, ведущей на второй этаж.

В этот момент до его ушей донесся едва слышный голос из комнаты «110»: «Кто-нибудь знает, кто сегодня дежурит?»

«Наверное, куратор Перак. А почему ты спрашиваешь?»

«У меня проблемы со сном, поэтому я решила выпить бокал вина».

«А можно нам тоже?»

«Ничего за бесплатно не бывает, с Вас закуска».

Филип на мгновение задумался. Пятикурсникам с первого этажа исполнилось восемнадцать лет. В этом мире достижение этого возраста означало, что к ним относятся так же, как к взрослым, что позволяло употреблять алкоголь в умеренных количествах.

Учитывая, что это был выпускной год, в таких ситуациях требовалась определенная гибкость.

Филип свел к минимум любые признаки своего присутствия: используя магию, он заглушил шум своих шагов, а также начал контролировать свое дыхание так, что оно было едва слышным, тем самым исключая всякую вероятность его обнаружения при приближении к комнате.

Тихо досчитав до трех, он резко распахнул дверь – его встретили девушки в пижамах с широко раскрытыми глазами, сидящие вокруг стола в центре комнаты.

«О, здравствуйте, куратор».

Одна из студенток, собирающаяся откупорить какую-то бутылку, опешив, непроизвольно пискнула.

«Псть!»

«...Я уже собирался сказать Вам всем, чтобы Вы передали мне свои «баллы наказания», но так как застал вас до того, как вы успели совершить ошибку, на этот раз оставлю это без внимания».

[Прим. пер.: «баллы наказания» - видимо, местная система контроля за поведением студентов. Нарушает - лишается «балла», лишается определенного кол-ва «баллов» - наказание].

«О, спасибо».

«Если вы действительно хотите выпить, то передавайте один стакан по кругу. Если у кого-то здесь проблемы со сном, то поступайте хотя бы так», - с этими словами Филип закрыл дверь, а затем, симитировав звук удаляющихся шагов, наклонился к двери, прислушиваясь к голосам, доносящимся изнутри.

«Я думала, что мое сердце не выдержит, Лили».

«А это был не куратор Филип Освальд?»

«Как-то давно я видела его на вечеринке – случайно столкнулась с ним, когда бежала по улице. Думала, что умру от испуга. Но сейчас он кажется совершенно другим человеком».

Филип глубоко вздохнул.

“О, Филип, это тяжелая работенка ”.

Он поднялся на второй этаж с бурлящими внутри него эмоциями и мыслями.

У четверокурсниц никаких движений не было, словно все спали.

Поднявшись на третий этаж, предназначенный для третьего курса, Филип заметил идущую по коридору девушку, еще до конца не пришедшую в сознание.

«Привет. Хээм».

Вьющиеся волосы и круглые очки – эту девушку Филип помнил.

«А, Шерил, да? Куда направляешься? Время сна».

«Хээм... мне нужно в туалет... Ох», - в кратковременном замешательстве Шерил что-то прошептала и вернулась в реальный мир. Перед ней стоял красавец-куратор, ставший свидетелем этого неловкого момента.

Стыдливо улыбнувшись, она подумала: “Как можно безболезненно умереть?” – неожиданная встреча застала её врасплох.

Филип неловко хихикнул: «Ты, наверное, очень устала. Поскорее возвращайся и отдохни».

«...Да».

Позабывшись о её самочувствии, Филип направился на четвертый этаж. Хотя сзади послышался легкий шорох, он решил не обращать на него внимания.

Если не считать оживленных разговоров, доносившихся из нескольких комнат, обстановка у второго курса была относительно спокойной. Поскольку шептаться правилами общежития не запрещалось, Филип воздержался от вмешательства, покуда девушки не шумели слишком громко.

Затем, Филип услышал звук всхлипывания этажом выше.

Он знал, какая комната у Луа, а потому ускорил шаг.

«...Эх».

Комната «507» - это действительно был её комната. Приблизившись, Филип услышал доносящийся из-за двери раздраженный голос.

«Перестань плакать. Понимаю, что у тебя сейчас трудные и печальные времена, но, пожалуйста, хватит плакать. Нечестно, что мы страдаем из-за тебя. Ты что, в горах выросла,

что ли, а потому не понимаешь, что такое «быть обузой?»

«Мне очень жаль. Мне правда жаль... но...»

«Если тебе жаль, то утихни. Или все, что ты можешь – извиняться?»

«Прости, но сейчас больше шумишь ты. Я могу в некоторой степени терпеть детский плач, но твой голос раздражает, понимаешь? Пытаешься играть в аристократку?»

«Что ты сказала?»

Чувствуя, как напряжение растет, Филип быстро открыл дверь и вошел внутрь, пока не началась драка.

Когда куратор зашел в комнату, дети обменялись тревожными взглядами, понимая, кто перед ними стоял.

«Чем это вы все тут занимаетесь?» - Филип с суровым выражением лица окинул их взглядом.

Девочка в ночнушке шагнула вперед – похоже, это была пострадавшая. Она была одной из студенток, Посещавших занятия по фехтованию.

Девочка происходила из семьи Маркиза, а звали её – Оливия Нуэз.

С волосами, заплетенными в две косички, она производила на Филипа впечатление.

«...Куратор, эта девочка плачет уже несколько ночей. Сначала я думала, что все наладится и спокойно терпела. Но после трех дней непрерывного плача это стало невыносимо. Поэтому я...»

«Я понимаю. Ты не виновата, и я не злюсь на тебя. Просто хотел обратить твое внимание на то, что твой подход к проблеме может показаться твоим друзьям несколько агрессивным».

Оливия расширила глаза, слушая, что говорит Филип. Она ожидала выговор.

«И, Анис Прэлин, ты в похожей ситуации. Вы обе схожи темпераментами, так что, думаю, ваши отношения могли бы начаться на более благоприятной ноте. Возможно, как только я уйду, кому-то более смелому не помешает взять на себя инициативу для примирения».

Губы принцессы Анис, незаконнорожденной дочери главы Торговой Компании «Прэлин» задрожали, а сама она опустила голову: «Да... куратор».

«Вот и хорошо. Если завтра я увижу вас завтракающих вместе, то, возможно, буду склонен к тому, чтобы вас поощрить».

Временно уладив ссору между девушками, Филип перевел взгляд на Луа.

«...Я думал о том, как могу тебе помочь. И пришел к решению».

Лицо Луа было бледным и безжизненным, а сухие, потрескавшиеся губы, говорили о её запущенном состоянии.

В голове Филипа всплыл образ Луа из игры: энергичная, целеустремленная и общительная девушка. Чтобы вернуть её в привычное состояние потребуется еще минимум месяц.

“Я не могу”, - с тех пор, как Филип попал в мир «Академии Героев», он бесчисленное количество раз пересматривал свои планы на будущее, но понял, что реальность редко соотносится с ними.

Сколько бы он не думал, Филип не мог заставить себя подвергнуть юную девушку дальнейшим страданиям и лишениям – это было бы равносильно жестокому обращению.

“Больше мне ничего не остается”, - укрепившись в своей решимости, Филип медленно подошел к кровати и заключил Луа в нежные объятия. Пряди её неухоженных волос, путаясь и растекаясь, коснулись его предплечья.

«Ой...» - хотя Луа выглядела взволнованной, она не предпринимала попыток оттолкнуть Филипа или отказаться от его объятий.

Дело было не только в том, что Филип, похоже, не имел никаких дурных намерений, но и в том, что у Луа просто не было сил сопротивляться: после нескольких бессонных ночей и голодных дней, её тело не очень охотно слушалось.

“...Тепло”, - а ещё ей хотелось почувствовать тепло чьего-нибудь тела.

«А сейчас, давай-ка отнесу тебя отсюда. Вам всем пора спать, так что ложитесь в постели».

«О, хорошо».

«Да, поняла».

Убедившись, что дети улеглись в кровати, он вышел из комнаты.

* * *

Филип отнес Луа в свою комнату и бережно положил на кровать. Он попросил служанку присмотреть за Луа, после чего вернулся к своим обязанностям, поскольку должен был закончить смену.

И вот наступило утро.

“Надо же... наверное, когда плачешь перед сном, то именно так и бывает, Хозяин”, - по возвращении в комнату Филип, посмотрев на Луа, ощутил, как что-то сдавливает в груди. Он и представить себе не мог, что чувство потери Луа, на которое в игре не обращали внимания, может быть таким глубоким.

В уголках её глаз виднелись следы высохших слез, а у рта виднелось засохшее молоко. - видимо, служанка напоила её теплым молоком перед сном.

“Что Вы собираетесь с ней делать?”

«А что я могу сделать? Я уже все решил»

“...?”

«Я возьму на себя ответственность за неё»

“С самого начала я вел себя глупо. Мое вселение в тело Филипа само по себе является серьезной переменной, так что история никак не может пойти по изначальному пути”, - размышлял Филип, поглаживая подбородок и глубже погружаясь в раздумья.

Если бы он действительно хотел следовать оригинальному пути истории, ему пришлось бы сражаться с Луа в середине второго семестра. Затем его бы исключили из Академии, и он был бы вынужден бесцельно скитаться, не зная, куда себя деть. Однако Филип не знал, что именно произойдет за это время.

С самого начала все пошло не так.

«Ну, раз уж до этого дошло, то другого выбора нет. Придется держать её рядом и лично помогать ей расти», - Луа была единственной преемницей легендарного Святого Клинка Солвейна в этом мире.

Поскольку она обладала невообразимым потенциалом, не было необходимости строго придерживаться переменных и поворотов, имевших место в оригинальной истории.

Филип верил, что сможет сделать Луа сильной, направляя её по пути.

Однако даже для того, чтобы просто её направлять, нужна была тщательная подготовка. Филип планировал сделать первый шаг прямо сейчас.

«Для начала попробуем денежную терапию».

“Что такое «денежная терапия?»

«Скоро узнаешь».

Филип вышел из комнаты.

Его целью был оживленный торговый район за пределами академии.

За счет студентов-аристократов, арендующих особняки за пределами академии, семей работников академии или связанных с ней лиц, коммерческий район процветал. Кроме того, это была отдельная локация в игре, на которой можно было обнаружить пасхалки или потайные ходы, которые могли быть использованы игроками для свободного перемещения.

«Хозяин, похоже, эти люди не хотят заниматься бизнесом. Все двери закрыты!», - было восемь утра, но улицы были тихими.

Мастерские алхимиков, оружейные магазины, бутики и ателье еще не открылись, и даже рестораны только-только готовились распахнуть свои двери.

Разумеется, целью Филипа был не магазин.

Пройдя торговый квартал, он направился к окраине, где водный канал соединялся с озером Алдэа. До него было около дюжины километров.

“Зачем Вы сюда пришли?”

«Мне нужно кое-что забрать поблизости... а, вот и оно».

Для подготовки к потенциальным наводнениям неподалеку была построена дамба, а под участком земли с необычайно низкой растительностью, находилась цель Филипа.

Филип ступил на нужный кусок земли и несколько раз обошел вокруг. Его обостренные чувства подсказывали ему, что в нескольких метрах под землей находится скрытое пространство.

«Это точно он... тогда... «сомнительные инвестиции в будущее», - как только Филип произнес эту фразу, земля под его ногами задрожала, как при землетрясении.

«Скви! Что происходит!»

Филип сделал несколько шагов назад, и земля вдруг разошлась, открывая квадратный проход и ведущую вниз лестницу.

“Хозяин, Вы же не собираетесь туда спускаться? Пожалуйста, прошу Вас, не надо”.

«Но я собираюсь».

“Ик... в темноте страшно”

«...Не волнуйся, когда мы спустимся, будет посветлее»

Как и сказал Филип, когда они спустились по тускло освещенной лестнице примерно на два уровня, вокруг стало светлее. Они достигли подземной комнаты, стены которой были сделаны из аккуратно вырезанного камня.

«Эти придется взять тоже», - Филип смотрел на многочисленные светящиеся камни, врезанные в потолок, поражаясь этому зрелищу. Насколько он помнил, каждый из этих камней стоил непомерно дорого - десять золотых за штуку.

В центре комнаты одиноко стоял старый письменный стол, на котором была шкатулка размером примерно с две человеческие головы. В ней лежала «Золотая Печать Йозефа».

Это был предмет, необходимый для получения Особого Членства в самой тайной и влиятельной в этом мире организации - Ассамблеи. Значение этого предмета было неоценимо, а его конечное влияние оставалось неизвестным.

<http://tl.rulate.ru/book/95422/3279367>